

Ф. Я. ПРИЙМА

Наблюдения А. Н. Оленина над „Словом о полку Игореве“

Вопрос об открытии рукописи „Слова о полку Игореве“, его издания и первых попытках его истолкования до настоящего времени изучен слабо. Обследование архивов лиц, принимавших участие в издании древнего памятника, а также лиц, принадлежавших к их окружению, может дать в распоряжение исследователя новые материалы для выяснения названного вопроса.

Одним из лиц, представляющих, на наш взгляд, в этом отношении немаловажный интерес, является А. Н. Оленин (1763—1843), хотя в двух последних библиографических справочниках по „Слову о полку Игореве“ его имя почему-то вовсе не названо. Эта оплошность тем более досадна, что в известном труде Е. В. Барсова о древней поэме Оленин как исследователь „Слова“ был уже упомянут. Правда, Е. В. Барсов не обращался к первоисточникам, и поэтому упоминание им Оленина, помещенное в разделе „Библиография“, звучит невразумительно: „1822 год. Оленин, А. Н.: замечание, что выражение по морию и по сулию нужно читать слитно, не отделяя предлогов: Поморию и Посулию (указано в издании «Слова» Грамматина)“.¹

Указание Барсова не может нас удовлетворить не только потому, что имя Оленина помещено в нем под 1822-м, а не под 1806-м годом, как это следовало бы сделать, но и потому, что оно далеко не полностью охватывает намеченную тему.

А. Н. Оленин на протяжении многих лет был одним из близких знакомых издателя „Слова“ А. И. Мусина-Пушкина. Розыски и приобретение памятников русской старины, изучение древнерусских рукописей и подготовительные работы к их изданию — вот круг вопросов, которые постоянно привлекали к себе внимание как А. И. Мусина-Пушкина, так и А. Н. Оленина. Самое раннее из сохранившихся и известных нам писем А. И. Мусина-Пушкина к А. Н. Оленину датировано 3 ноября 1801 года. К этому времени между А. И. Мусиным-Пушкиным и А. Н. Олениным существовали уже прочно сложившиеся отношения, если судить об этом по содержанию упомянутого письма (Нач.: „По воле вашей рисовальщик взял у меня свадьбу царя Михаила Феодоровича и выбирает из одной, что ему нужно из одежды, обещал оные рисунки принести показать на будущей неделе; а потом дам шишаки и др. старинные военные снаряды рисо-

---

¹ Е. В. Барсов. „Слово о полку Игореве“ как художественный памятник киевской дружинной поэзии, т. I. М., 1887, стр. 5.

вать с натуры“).¹ Естественно предположить, что знакомство Оленина с Мусиным-Пушкиным возникло за несколько лет до переезда последнего из Петербурга в Москву (1799). Ряд обстоятельств благоприятствовал возникновению названного знакомства. После долголетней службы в армии и при дворе А. И. Мусин-Пушкин в 1791 году был назначен на видный пост обер-прокурора Синода. Приблизительно к этому же времени относится и начало его деятельности как археографа и коллекционера старинных рукописных книг. Что же касается Оленина, то в 1795 году, после длительного пребывания в „чужих краях“ и службы в артиллерии, он стал работать в гражданском ведомстве и начал свое быстрое продвижение по служебной иерархической лестнице. Служебная карьера молодого Оленина совершалась в сферах, тесно соприкасавшихся с административной деятельностью А. И. Мусина-Пушкина. В 1799 году Оленин был уже обер-прокурором III департамента Сената. Получив художественное образование и будучи медальером по специальности, А. Н. Оленин проявлял интерес и к деятельности Академии художеств, которой с 1794 года руководил А. И. Мусин-Пушкин. Последнего с Олениным сближала и совместная деятельность по Российской Академии, в члены которой А. Н. Оленин был избран в 1786 году, т. е. на три года ранее избрания в нее А. И. Мусина-Пушкина.

Перед тем как издать „Слово о полку Игореве“ А. И. Мусин-Пушкин, по собственному его признанию,² в течение нескольких лет „чрез старания свои и просьбы к знающим достаточно российский язык“ лицам трудился над совершенствованием перевода памятника. Подтверждение этого свидетельства А. И. Мусина-Пушкина мы находим и у А. С. Шишкова, который утверждал, что „над переводом одной (т. е. «Песни о походе Игоря», — Ф. П.) трудились многие и между прочим известный своими в языке и словесности знаниями г. Болтин“.³

Не следует забывать, что А. Н. Оленин был избран в Российскую Академию за представленное им „толкование многих военных русских старинных речений“ и что с тех пор на протяжении долгих лет, по собственным его словам, он „занимался объяснением многих обветшалых речений в словено-русском языке“.⁴ Учитывая сложившуюся в кругах Российской Академии репутацию А. Н. Оленина как одного из немногих и лучших знатоков „военных русских старинных речений“, естественно думать, что при переводе трудных мест древней поэмы и в особенности ее воинской терминологии (стрикусы, шераширы, папорози и др.) А. И. Мусин-Пушкин должен был обратиться за помощью и советом также и к А. Н. Оленину.

Материалы, опубликованные в 1934 году в статье Н. Н. Зарубина „К вопросу о первом издании «Слова о полку Игореве»“, также наводят нас на мысль, что А. Н. Оленин принимал известное участие в этом издании. В 1933 году Н. Н. Зарубиным был обследован экземпляр первого издания „Слова“, входивший тогда в состав библиотеки

¹ ГПБ, арх. Олениных, письма А. И. Мусина-Пушкина к А. Н. Оленину.

² См.: Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича. М., 1800, стр. VII—VIII.

³ Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, ч. XI. СПб., 1827, стр. 384.

⁴ См. письмо А. Н. Оленина к С. С. Уварову от 15 февраля 1842 года (ГПБ, арх. Олениных, № 145).

А. Ф. Бычкова (№ 4474).¹ Зарубин обратил внимание на интересный факт: примечание к словам текста „Бориса же Вячеславлича слава на суд приведе“ (на стр. 15—16) в этом экземпляре значительно отличается от аналогичного примечания в других, „обычных“ экземплярах первого издания „Слова о полку Игореве“. Н. Н. Зарубину удалось установить и ряд других, также относящихся не к тексту, а к примечаниям отличий обследованного им экземпляра „Слова о полку Игореве“. „Не трудно доказать, — писал Н. Н. Зарубин, — что экземпляр из библиотеки А. Ф. Бычкова следует считать первоначальным видом издания «Ироической песни»“.² По мнению исследователя, пробные экземпляры издания „Слова“, к числу которых принадлежит и экземпляр А. Ф. Бычкова, были разосланы издателями знатокам древней Руси и только после получения от них замечаний „Слово о полку Игореве“ в исправленном виде было выпущено в свет. Этим обстоятельством объясняет Н. Н. Зарубин и сообщение типографщика С. А. Селивановского о том, что „печатание книги шло медленно“.

Таким образом упомянутый выше экземпляр „Слова“, вероятно, принадлежал одному из лиц, принимавших участие в его издании.

Весьма убедительные рассуждения Н. Н. Зарубина можно дополнить указанием, что экземпляр „Слова“ из библиотеки А. Ф. Бычкова первоначально входил в состав библиотеки А. Н. Оленина. Нас убеждают в этом как сообщение А. Ф. Бычкова о том, что в свое время им была куплена часть библиотеки умершего А. Н. Оленина,³ так и то, что в ряде мест на полях названного экземпляра „Слова“ мы находим карандашные заметки А. И. Ермолаева (1779—1828). С 1800 по 1818 год Ермолаев проживал в доме А. Н. Оленина и был одним из помощников последнего как в его служебной, так и в ученой деятельности. Упорство и самоотверженность молодого А. И. Ермолаева в изучении памятников древнерусской письменности позволили ему со временем стать одним из выдающихся русских палеографов. Однако в начале 1800 года, когда едва успевший окончить Академию Художеств Ермолаев под руководством Оленина только начинал приобщаться к занятиям „российскими древностями“, он несомненно не был лицом, известным издателям „Слова“. Таким образом будет правильнее предположить, что интересующий нас экземпляр древней поэмы об Игоре в походе был получен от А. И. Мусина-Пушкина А. Н. Олениным и лишь впоследствии попал во временное пользование А. И. Ермолаева. Делал ли Оленин замечания о присланном ему пробном экземпляре „Слова“ и были ли они учтены издателями — для суждения об этом, к сожалению, мы не имеем никаких данных.

Глубокий интерес к „Слову о полку Игореве“ был засвидетельствован А. Н. Олениным и в его знаменитом „Письме к гр. А. И. Мусину-Пушкину о камне Тьмутараканском, найденном на острове Тамане в 1792 году“, изданном в 1806 году.

В „Письме о камне“ Оленин доказывал правильность мнения А. И. Мусина-Пушкина о том, что упоминаемая в русских летописях Тьмутаракань находилась на Таманском полуострове, а не в Рязанском.

¹ В настоящее время названный экземпляр хранится в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (собрание автографов, автографы А. И. Ермолаева).

² Н. Н. Зарубин. К вопросу о первом издании „Слова о полку Игореве“. Сборник к сорокалетию ученой деятельности А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 525.

³ См.: А. Ф. Бычков. Обзор хода издания летописей в России. ЖМНП, 1859, ч. 105, разд. 2, стр. 17, примеч. № 32.

княжестве, как полагал русский историк первой половины XVIII века В. Н. Татищев.¹ Большое место в „Письме“ Оленина отводилось доказательству подлинности тмутараканского камня. Доказательства Оленина в его труде были поставлены на широкую палеографическую и филологическую основу. О значении „Письма о камне“ можно судить уже по одному тому, что оно положило начало существованию русской палеографии. Отметим, что большая доля участия в написании „Письма о камне“ принадлежала А. И. Ермолаеву; на участие в написании „Письма“ указал печатно и сам Оленин. Тем не менее следует заметить, что ознакомление с архивными данными убеждает нас в правильности уже выказанного в литературе мнения, что участие А. И. Ермолаева в написании „Письма о камне“ было значительно большим, чем это явствует из самой книги.²

Интересно, что автор или авторы „Письма о камне“ для доказательства своих взглядов о местонахождении древней Тмутаракани привлекли и „Слово о полку Игореве“. Это замечание о древней поэме, которое было тогда же учтено исследователями „Слова о полку Игореве“, но с течением времени ими же довольно прочно забыто, мы даем здесь полностью. Приведа ряд доводов в пользу правильности мнения Мусина-Пушкина о местонахождении древней Тмутаракани, авторы „Письма“ продолжали:

„К сим доказательствам можно еще присовокупить некоторые места из песни о походе Игоря. В ней на странице 9 сказано: „Див (Филин) кличет връху древа, велит послушати земле незнаеме, Вльзе, (Волге) и по морию и по Сулию (Псле) и Сурожу, и Корсуню, и тебе Тьмутороканьский бльван (Истукан)“.

На странице 24, того же сочинения, певец Игоревых подвигов, говорит: „Се бо два сокола слетеста с отня (с отцовского) стола злата (престола золотого) поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону...“.

„Первое место из песни Игоревой относится, по мнению моему, к бедам, угрожающим Игореву войску, о которых слух разнесется по всей стране, находящейся между (Вльзе) Волгою, (Посулию) Псом,³ (Поморию) Поморием, до Сурожу или Азовского моря⁴ в Корсуне к Тьмуторокане.

„По порядку, в котором поставлены здесь имена рек, морей и городов, кажется, заключить должно, что Сурожь, Корсунь и Тьмуторокань были соседственные между собою места, из коих далее всех было сие последнее.

„Взглянув на карту под № VIII,⁵ можно эту мысль удобнее обнять и удостовериться, что в сие место из песни Игоревой служит к подтверждению ваших доводов.

„То же самое доказывает и вторая из сей песни выписка, в которой под двумя соколами последователь Бояна подразумевает князей

¹ Мнение по этому вопросу А. И. Мусин-Пушкин изложил в своем „Историческом исследовании о местоположении древнего Тмутараканского княжения“ (СПб., 1794).

² См., например: С. Булич. Очерки истории языкознания в России. СПб., 1904, стр. 711.

³ Река Псиол впадает от севера в реку Днепр к востоку и параллельно почти течет с рекою Сулою (также в Днепр впадающею), от чего уповательно Псиол и прозвался в старину Посулия. (Примеч. Оленина).

⁴ Сам же (князь Михаил Тверской) дойде орды месяца Сентяврия в 6 день на усть реки Дону, идеже течет в море Сурожское. (Примеч. Оленина).

⁵ Под № 8 к „Письму о камне“ приложена „Карта Полуденной России“.

Игоря и Всеволода, оставивших свои владения, первый в Новгороде-Северском, другой в Трубческе, чтоб поискать город Тьмуторокань или шлемом Дону испити.

„Следственно, если надобно было им итти из своих владений к Дону для достижения Тьмутороканя, то сие княжество должно находиться в южном краю России близ моря Азовского, что ныне утверждается обречением камня при городе Тамане — и сей-то город, по соображению урочищ, Константином Порфирогенетом при описании границ греческой империи со стороны Черного и Азовского морей назван крепостью Таматархою. Вот еще новые доказательства исторической истины, открытой вашим сиятельством. Мне приятно дать заметить читателям, что сильнейший из приведенных мною здесь доводов подчерпнут в древней российской поэме, которую отечественная словесность одолжена вашему же сиятельству“.¹

Приведенный отрывок из „Письма о камне“ интересен не только предложенным в нем исправлением написания двух слов древнего памятника (Посулие и Поморие), исправлением, которое было принято и усвоено наукой, но также и тем, что в нем Олениным был дан первый пример обращения к „Слову о полку Игоре“ для решения спорных вопросов русской историографии.

Свои ученые мнения Оленин высказывал только после длительных размышлений и исследования. Более чем кому-либо из его коллег по научным занятиям ему был свойствен дух здорового критицизма. И А. И. Ермолаеву, и А. Х. Востокову, и К. М. Бороздину Оленин неоднократно в виде совета любил напоминать пословицы „не всякому слуху верь“ и „поспешишь — людей насмешишь“, которых он сам всегда придерживался.

В 1810 году неким Селакадзевым был сочинен так называемый „Гимн Бояна Летиславу“. Жертвой этой мистификации явилось большое количество читателей. Селакадзеву поверили поэт Г. Р. Державин,² весьма начитанный в русских древностях митрополит Евгений³ и многие другие.

Фальсификация Селакадзева была, однако, раскрыта Олениным в скором времени после ее появления. В письме от 21 марта 1811 года к А. И. Ермолаеву и К. М. Бороздину, находившимся в то время в археологической экспедиции, не скрывая иронии, Оленин писал: „Вы ездили по белу свету отыскивать разные материалы к российской палеографии и едва нашли остатки какого-нибудь XI-го, а может только и XII-го века. А мы здесь нашли человечка, который имеет свиток, написанный во время дяди и дятки Олега и приписанный Владимиром первым, что доказывает существование с приписью подьячих с самых отдаленных веков российского царства, так точно как доказывал Станарель, что *votre fille est muette*. Если же вам этого мало, то у нас нашелся подлинник Бояновой песни, следующим письмом писанный...⁴ И прочая и тому подобная“.⁵

¹ А. О. Письмо к гр. А. И. Мусину-Пушкину о камне Тьмутараканском, найденном на острове Тамане в 1792 году. СПб., 1806, стр. 25—27.

² См.: Письмо Г. Р. Державина к С. В. Капнисту от 8 июня 1816 года. Сочинения Державина с объяснит. примеч. Я. Грота, т. VI, 1871, стр. 339.

³ См.: Сын отечества, ч. 70, 1821, стр. 174—175 и письмо митрополита Евгения к Анастасевичу от 27 марта 1813 года (Русский архив, т. 30, №№ 5—8, 1889, стр. 27).

⁴ А. И. Оленин приводит далее в своем письме образец этого вымышленного Селакадзевым „древнерусского“ письма.

⁵ БиА, арх. А. Н. Оленина, № 3623/3.

Мнение Оленина о „Гимне Бояна Летиславу“, распространенное им среди знатоков, было решающим в разоблачении фальсификации Селакадзева.

На протяжении многих лет Оленин объединял вокруг себя группу любителей и знатоков древнерусской письменности. До возникновения кружка Н. П. Румянцева (1814) группа палеографов и археографов, научным центром которой была возглавляемая А. Н. Олениным Публичная библиотека в Петербурге, и по количеству и по научной подготовке была первой в стране. В эту группу входили А. И. Ермолаев, А. Х. Востоков, К. М. Бороздин, к ней примыкали В. Г. Анастасевич, П. К. Фролов и ряд других лиц. В истории русской археографии и палеографии кружку А. Н. Оленина принадлежит огромная роль.

Следует отметить, что члены оленинского кружка немало внимания и сил уделяли изучению „Слова о полку Игореве“. „Слово“ изучал А. И. Ермолаев, который был „самовидцем“ рукописи древней поэмы и который определил ее как „написанную полууставом XV века“; ряд ценных замечаний о „Слове“ оставил после себя А. Х. Востоков, ученик и коллега А. И. Ермолаева по занятиям палеографией; „Словом“ занимался и В. Г. Анастасевич; поэтическая сторона „Слова“ привлекала внимание сотрудников Публичной библиотеки Н. И. Гнедича и М. Н. Загоскина.

Поддержка, которую оказывал А. Н. Оленин членам своего кружка в их занятиях над древней поэмой в первые годы после издания этого памятника, т. е. в обстановке слабого к нему внимания, сама по себе составляла большую заслугу А. Н. Оленина. Но Оленин не только покровительствовал младшему поколению „любителей древностей российских“, он вместе с ними разделял проникнутое научным интересом восхищенное и пристальное внимание к древнерусской поэме. Об этом непрерывающемся интересе Оленина к „Слову“ свидетельствуют, например, его, относящиеся к 1821 году, черновые наброски о мореходстве в древней Руси. Поводом к написанию этой обстоятельной и оставшейся ненапечатанной статьи послужило для Оленина чтение им „Истории“ Льва Дьякона. Приводим интересующий нас в этой статье отрывок:

„Соображая все сии места в греческих, русских и восточных писателях, можно несомненно заключить, что русские в X и XI веке других водоходных судов не имели, кроме однодеревных больших лодок, в то время лодьями и кораблями именуемых, или, лучше сказать, огромных челнов с набитыми по краям бортами. Сии челны ныне в Малороссии дубами называются, а в великой России и в Сибири — насадами, набойницами или набойными лодками. Первое из сих именованний уже известно было не токмо при Никоне («Тако, — говорит он, — собравши ему лодки и насады»). Никоновская летопись, 1, 333), но и писатели Древней Летописи и Слова о полку Игореве говорят: «Он же вниде в насад с сущими с ними»: Древняя летопись, 1, 158; «Ты (о Днепре) лелеял еси на себе Святослави носады...»: Песнь о походе Игоря. Москва, 1800, стр. 39“.¹

В приведенном отрывке, как и ранее в „Письме о камне Тмутарканском“, Оленин пользуется древней поэмой для обоснования своих исторических взглядов.

О глубоком интересе к „Слову“ А. Н. Оленина свидетельствует также и его письмо к секретарю Российской Академии П. И. Соколову

¹ ГПБ, арх. Олениных, № 25, л. 81.

от 9 августа 1827 года. Оленин высказывал в этом письме свое отрицательное мнение о „Словаре Академии Российской по азбучному порядку расположенном“ (СПб., 1806—1822 гг., 6 частей), хотя сам принимал участие в составлении этого словаря. По его мнению, главный недостаток словаря вел свое начало от акад. И. И. Лепехина, который, деятельно участвуя в первом издании словаря, перегрузил его слишком пространными статьями на естественно-научные темы. „Гораздо будет полезнее знать, — писал Оленин, — хотя и в самых кратких словах, точное значение многих старинных слов, как то: жи-вой щерашир, хоть и тому подобное, или же русских технических речений, как то: сад, или всад, барец, плотничные вздержки, портняжное и проч. и проч., нежели видеть, что вереск: *Erica vulgaris*, прутняк, кустиками по сухим борам растущий (что и достаточно для понятия сего речения в Словаре языка), имеет стебельки, усаженные листочками копиеобразными, толстоватыми, остроконечными — и еще к тому четыре печатные строки подобного толкования!“¹

Свою взгляды на задачу словаря русского языка А. Н. Оленин изложил подробно в 1831 году в специальной записке, представленной в Российскую Академию, готовившую новое издание словаря церковно-славянского и русского языков. Наиболее полный охват слов русского языка, включая и „наречие простолюдинов“, и предельная краткость в объяснении слов — таковы были высказанные в записке пожелания Оленина.² Подобная точка зрения не совпадала с господствующими среди членов Российской Академии взглядами о принципах построения словаря русского языка. Приведенный отрывок из письма Оленина к П. И. Соколову интересен также и тем, что он свидетельствует о попытках А. Н. Оленина ввести в академический словарь словарный состав „Слова о полку Игореве“ (щераширы, хоть и др.), сделать его широко известным. Это стремление также нельзя назвать обычным. Известно, что редакция „Словаря Академии Российской по азбучному порядку расположенного“ (1806—1822) обошла „Слово о полку Игореве“ полным молчанием. Вряд ли это можно объяснить тем, что среди составителей словаря господствовало скептическое отношение к древнему памятнику. Скорее всего замалчивание древней темы объяснялось заискием церковников в среде сотрудников словаря [архимандрит Михаил (Десницкий), архимандрит Иннокентий, протоиерей Красовский и другие]. Составители перегрузили словарь лексикой церковных богослужебных книг и остерегались введения в него элементов древнерусского разговорного языка. Языческие элементы „Слова о полку Игореве“ также могли послужить препятствием для „признания“ его редакцией академического словаря. Важно отметить, что в изданном в 1834 году „Общем церковно-славяно-российском словаре“ П. И. Соколова пожелание А. Н. Оленина впервые было реализовано, хотя и в далеком не полном виде. Может быть, не без влияния Оленина Соколов ввел в свой словарь несколько слов из древней поэмы (баян, былина, буй-тур и др.).

В 1832 году А. И. Олениным был издан его „Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения словян от времени Траяна и русских до нашествия татар“. Этот труд обнаружил в Оле-

¹ БиЛ, арх. А. Н. Оленина, № 3625/4.

² См.: М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. 7. СПб., 1885, стр. 152—154.

нине незаурядного для своего времени знатока истории южных славян. Интерес А. Н. Оленина к славянам „времен Траяна“ находился в несомненной связи с его продолжительным и серьезным интересом к „Слову о полку Игореве“ и встречающимся в нем четырехкратным упоминанием загадочного имени Траяна („рица в тропу Трояню“, „вечи Трояни“, „земля Трояня“, „на седьмом веде Трояни“).

Непосредственным поводом к написанию названной книги было обращение к Оленину молодого художника Басина, нуждавшегося в различных указаниях в связи с задуманной им картиной „Крещение Руси“. Оленин ответил на просьбу Басина двумя развернутыми письмами, которые и составили книгу. Выразив в начале первого письма уверенность в том, что молодой художник представит изображаемых лиц в настоящих старинных русских костюмах, Оленин указывал на исключительную трудность подобной задачи. „От самой отдаленной древности, — писал Оленин, — до X или XI века по Р. Хр. не имеется никаких положительных памятников искусства, которыми бы можно руководствоваться в точном изображении словянского костюма. Древнейшие авторы о славянах ни слова о том не говорят. Писатели средних времен, начиная с императора Маврикия в VI веке, и последователь его, император Лев Премудрый в IX веке, оба, описывая подробно обычаи, оружие и образ воевания словян и антов, ни слова, однакож, не говорят о костюмах, т. е. об одеянии сих двух народов... По мнению моему, один только бесценный памятник искусства древних римлян может нам служить источником для одеяния и вооружения словянских племен до IX века. Сей памятник есть колонна императора Траяна, показывающая упорную его войну против даков, населявших нынешние: Банат, некоторую часть Венгрии, Сербии, Валахии и Бессарабии на Дунае, именно те области, в которых по сие время живут смешанные словянские племена“ (стр. 28—30). Указывая на то, что некоторые особенности одежды даков сохранились в costume южных славян нового времени и высказывая предположение, что даки времен Траяна принадлежали к славянским племенам, Оленин давал Басину совет „в случае нужды руководствоваться костюмом даков“ (стр. 7).

Через „Опыт об одежде“ Оленина красной нитью проходит мысль о том, что эпоха римского императора Траяна, ведшего упорную борьбу с южными славянами, нашла отражение в культуре и других областях жизни последних.¹

В настоящей статье нас интересует не оценка научных достоинств „Опыта“ Оленина, а лишь один вопрос: в каком отношении находится названный труд Оленина к его взглядам на древнюю поэму об Игоровом походе и на упоминаемое в ней имя Траяна? Первые издатели „Слова“ объяснить это имя, как известно, не могли. „Кто сей Троян, догадаться ни по чему невозможно“, — сообщали они.² Однако уже первые исследователи древней поэмы, еще не обладавшие необходимыми для них историческими сведениями, начали связывать имя Трояна в поэме с римским императором Траяном. Важно отметить, что на эту

¹ На основательность суждений и тонкость наблюдений А. Н. Оленина в его „Опыте об одежде“ указывал в свое время В. В. Стасов. (В. В. Стасов. Мнения о некоторых рукописей византийских, болгарских, русских, джагатайских и персидских. ОЛДП, вып. 120, 1902, стр. 4—9).

² См.: Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича. М., 1800, стр. 6.

связь указывал в 1810 году и близко стоявший к Оленину В. В. Капнист, который в своем истолковании „Слова“ пользовался помощью члена оленинского кружка А. И. Ермолаева.¹

А. Н. Оленин несомненно был также убежден в необходимости проведения связи между упоминаемым в древней поэме именем Трояна и историческим именем императора Траяна. Нельзя признать случайным то, что в своем „Опыте об одежде“ начальный период культурной и государственной жизни славян Оленин приурочил ко „времени Траяна“, причем привел ряд аргументов в пользу своего мнения. Не случайно и то, что всю историю изменения одежды древних славян и „словенороссов“ Оленин несколько наивно подразделил на три больших периода: 1) от времен Траяна до татарского нашествия, 2) от татарского нашествия до времен Петра I, 3) от преобразований Петра I до XIX века. Не приходится сомневаться в том, что „времена Траяна“ в „Опыте об одежде“ ассоциировались в сознании его автора с „веками Трояна“ из „Слова о полку Игореve“. Несомненно и то, что развитию в науке подобного взгляда на упоминаемое в древней поэме имя Трояна названный труд Оленина оказал немалое содействие.

Следует указать также и на непосредственное упоминание „Слова о полку Игореve“ в „Опыте об одежде“. „Русские щиты, — делает в нем замечание Оленин, — были покрыты кожей красного цвета. А потому певец похода Игоря Святославича говорит: «Русичи великая поля червленными (красными) щиты перегородиша, ищучи себе чти, а князю славы»“.² Достоверность описания древнерусских щитов в „Слове о полку Игореve“ для Оленина подтверждалась в названном месте ссылкой на труд французского историка Готье д'Арка „История завоеваний норманов“, в котором Олениным было разыскано указание на то, что норманы в X—XI веках также носили красные щиты.³

Приведенное выше место из „Опыта об одежде“ показывает дополнительно, каким богатым для изучения древнерусской жизни и каким верным исторической действительности памятником считал Оленин древнюю поэму об Игореveм походе.

Большая загруженность А. Н. Оленина разнообразными служебными обязанностями препятствовала всю жизнь развитию его научной деятельности. Выработанный Олениным план издания свода русских летописей остался неосуществленным. Несмотря на продолжительный свой интерес к „Слову о полку Игореve“, Оленин не оставил после себя ни одной законченной работы об этом памятнике русского художественного слова. Тем не менее в бумагах Оленина, рассеянных в разных книгохранилищах и архивах Москвы и Ленинграда, в будущем еще могут быть разысканы оставшиеся нам неизвестными его замечания и заметки о „Слове о полку Игореve“. Судя по цитированному выше письму А. Н. Оленина к П. И. Соколову, Оленин чувствовал себя подготовленным для объяснения наиболее трудных слов древней поэмы, которые он предлагал ввести в академический словарь. Не исключена возможность, что часть подобных объяснений находится

¹ См.: Д. С. Бабкин. „Слово о полку Игореve“ в переводе В. В. Капниста. Сборник статей „Слово о Полку Игореve“ под ред. В. П. Андриановой-Перетц, М.—Л., 1950, стр. 362 и 365.

² А. Н. Оленин. Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян от времени Траяна и русских до нашествия татар. СПб., 1832, стр. 48.

³ Gauttier d'Arc. Histoire des conquêtes des Normands, Paris, 1830, p. 117.

в составленном Олениным „Указателе встречающихся в летописях и других письменных памятниках имен, лиц, земель, морей и пр.“, местонахождение которого в настоящее время не известно.¹

Имя А. Н. Оленина, будем надеяться, займет принадлежащее ему место в перечне имен первых исследователей „Слова о полку Игореве“, а близость Оленина к А. И. Мусину-Пушкину и другим знатокам древнерусской письменности конца XVIII и начала XIX века еще привлечет к себе внимание исследователей, изучающих историю первого издания древней поэмы.

---

¹ В 1841 году Российская Академия приступила к изданию этого указателя, но в связи с последовавшим за этим расформированием Российской Академии печатание указателя было прервано на 32-м листе и издание в свет не появилось. См. об этом переписку А. Н. Оленина с гр. С. С. Уваровым в 1842 году (ГПБ, арх. Олениных, №№ 145 и 317).